

УДК 334.012.62

**ДЕФОРМАЦИИ КОРПОРАТИВНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКЕ**

Е.Н. Соболева

Томский политехнический университет

E-mail: soboleva88@tpu.ru

Соболева Екатерина Николаевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики инженерно-экономического факультета ТПУ.
E-mail: soboleva88@tpu.ru
Область научных интересов: институционализм, отношения собственности, смешанная экономика.

Установлено, что собственность в отечественной экономике носит квазикорпоративный характер. Определены ключевые параметры данного института, показаны механизмы его воспроизводства.

Ключевые слова:

Корпоративная собственность, институты.

Key words:

Corporate ownership, institutions.

Корпоративная собственность в российской экономике начала формироваться сравнительно недавно, однако её место в хозяйственной системе таково, что нормальное функционирование данного института является важным условием развития всего хозяйства. Целью настоящей статьи является определение основных параметров института российской корпоративной собственности с точки зрения взаимодействия между формальными и неформальными нормами.

Согласно классификации Хелмке–Левицки существует несколько форм такого взаимодействия: приспособление, дополнение, замещение и конкуренция. В основе данной классификации лежат следующие критерии: наличие формальных юридических норм, их востребованность рынком, а также существование действенных механизмов инфорсменты, с одной стороны, и степень совместимости целей носителей формальных и неформальных норм – с другой (табл. 1).

Таблица 1. Типология неформальных институтов Хелмке–Левицки [1. Р. 45]

		Формальные институты	
		Неэффективные	Эффективные
Цели	Совместимые	Замещение	Дополнение
	Конфликтующие	Конкуренция	Приспособление

В ситуации приспособления формальных и неформальных институтов последние призваны привести интересы ключевых хозяйствующих субъектов в соответствие с формальными ограничениями, стабилизируя тем самым деловую среду и позволяя формальным нормам функционировать. Примером подобного приспособления может служить теневая экономика в тех странах, где качество институтов высоко, но при этом велика налоговая нагрузка на бизнес.

Дополнение предполагает согласованное взаимодействие всех участников хозяйственной деятельности, при этом неформальные институты заполняют пробелы формальных, будучи совместимыми с ними, способствуют повышению эффективности функционирования институциональной среды.

Замещение неформальными институтами формальных возникает, когда интересы хозяйствующих субъектов согласованы, но формальные нормы неэффективны. Тогда по негласному соглашению экономических агентов формируются альтернативные механизмы регулирования их взаимодействий, гарантий прав собственности и т. п. Примером могут служить бизнес-группы в некоторых азиатских странах, обеспечивающие более дешевое по сравнению с рыночными механизмами перераспределение ресурсов.

Конкуренция порождается конфликтом интересов носителей формальных и неформальных норм. В такой ситуации неформальные институты типа кронизма, клановых и прочих коррупционных сетей не только регулируют взаимодействия своих членов, извлекают рентный доход, но и оказывают существенное влияние на субъектов, функционирующих в рамках формальных норм. Например, разрастание бизнес-групп может приводить к созданию ими барьеров для развития конкуренции в отрасли и т. п. [1. Р. 45–47].

В российской корпоративной модели имеет место именно конкуренция между формальными и неформальными нормами: наличие принципов корпоративного поведения, соответствующих лучшим мировым образцам, в условиях слабости механизмов информента приводит к деформациям в отношениях собственности.

Таблица 2. Сравнительные характеристики институтов корпоративной и квазикорпоративной собственности

Корпоративная собственность	Квазикорпоративная собственность»
Субъект отношений	
Собственник как инициатор процесса производства благ	Формальный держатель пакета акций
Объект присвоения	
Часть прибыли как результат производственного процесса	Рентный доход как результат административного контроля за реальными производственными потоками
Мотивация хозяйствующего субъекта	
Максимизация прибыли; сохранение и приумножение объектов собственности	Получение максимально концентрированного пакета акций; вычленение отдельных, наиболее конкурентоспособных частей производственных комплексов
Взаимодействие с другими экономическими агентами	
Согласованное взаимодействие заинтересованных сторон	Пренебрежение интересами других участников
Механизмы воспроизводства	
Универсальные формальные нормы (законодательство), неформальные нормы саморегулирующихся организаций (например, кодекс корпоративного поведения), основанные на взаимном доверии	Манипулирование институциональной средой, коррупция, обеспечивающие «индивидуальный подход» к защите прав субъекта, оппортунистическое поведение

Параметры современной корпоративной собственности в России заданы процессами приватизации, проводившейся в 90-е гг. Она должна была способствовать созданию широкого слоя частных собственников, которые были бы заинтересованы в эффективном функционировании предприятий. Однако модель массовой приватизации не способствовала достижению данной цели, а, скорее, была призвана преодолеть возможные препятствия: номинально в приватизации мог участвовать любой житель страны, что снижало вероятность сопротивления началу реформ, а скорость их проведения и ослабление государственной власти не позволяли пересмотреть их итоги. Таким образом, доминирование политических целей над экономическими привело к формированию неполноценного, в экономическом смысле, института корпоративной собственности.

Сложившийся в ходе приватизации институт собственности вернее всего было бы определить как квазикорпоративная собственность (её основные параметры приведены в табл. 2), т. к. предполагается, что собственность в экономической системе носит конструктивный характер – способствует созданию нового продукта и на этой основе удовлетворяет потребности, как субъекта присвоения, так и общества, в целом.

Российские же «собственники» оставляют вне внимания фазу производства и присваивают лишь его результаты, к созданию которых они не имеют отношения, таким

образом, несение бремени собственности – ответственное отношение к её реализации, ориентация на долгосрочную перспективу подменяется её конечной фазой. Субъектом подобных отношений становится формальный держатель пакета акций, чья мотивация далека от стремления к полноценной реализации собственности. Он нацелен не на присвоение прибыли, но на извлечение выгод из контроля над производственными потоками предприятия, т. е. присвоение инсайдерской ренты. Имеет место асимметрия интересов различных участников корпоративных отношений: непропорционально большое внимание уделяется интересам формального держателя контрольного пакета акций в ущерб как интересам самого предприятия, так и других субъектов. В такой ситуации внешние механизмы корпоративного контроля теряют свою ценность, т. к. рыночная оценка стоимости акций становится бессмысленной, равно как и снижается инвестиционная привлекательность предприятия. Отсутствие реакций на инновации и стимулов к формированию инвестиционной среды приводит к тяжелым макроэкономическим последствиям – ограничению экономического роста, сохранению отставания от других стран и т. п.

Истоки такого «разорванного» в экономическом смысле института собственности в России многие исследователи (Р. М. Нуреев, Н. М. Плискевич, О.И. Шкаратан и др.) связывают с феноменом «власти-собственности», когда обладание правомочиями собственника находится в прямой зависимости от положения хозяйствующего субъекта во властной структуре [2–4]. Не вдаваясь в подробности происхождения данного явления, отметим важное следствие: правомочия собственника в такой системе невозможно закрепить в формальных нормах и, соответственно, затруднена их передача (например, по наследству), а значит, основной целью субъектов становится создание неформальных механизмов сохранения своего статуса. В число этих вспомогательных механизмов, представляющих собой альтернативу формальным институтам и обеспечивающих воспроизводство квазикорпоративной собственности можно отнести:

- Коррупцию. Д. Джонс, Д. Кауфманн и Д. Хеллман утверждают, что порождать коррупцию в современном обществе могут как административный аппарат, так и сами компании. Происходит своеобразная «скупка» государства, когда бизнес осуществляет выплаты чиновникам с целью извлечения взаимной выгоды (на рубеже веков в России компании тратили порядка 3 % своего валового дохода на взятки) [5]. Таким образом, бизнес обеспечивает «индивидуальный подход» к защите своих правомочий собственности.
- Размывание прав собственности. Современная система прав собственности развивается на основе ограничений и расщепления «пучка» правомочий. Первое осуществляет государство, обеспечивая реализацию прав собственности всех членов общества, второе связано с добровольным делегированием прав. Однако если права плохо защищены и/или система государственных ограничений непрозрачна, имеет место манипулирование универсальными нормами в интересах отдельных заинтересованных групп, происходит размывание прав собственности. Это, в свою очередь, существенно повышает риски собственника и его стимулы к эффективной реализации своих прав.
- Высокая степень централизации в принятии управленческих решений способствует обострению внутрикорпоративных противоречий. Исследования показывают, что уровень концентрации собственности (в конце 2000-х гг. в 70...75 % компаний существовал владелец контрольного пакета), соответствующий концентрации контроля в руках узкой группы лиц, становится универсальной чертой российской корпоративной модели. Собственность сконцентрирована не только на уровне компаний, но и на уровне интегрированных бизнес-групп: 40 % российских промышленных предприятий принадлежит 22 бизнес-группам, под руководством «олигархов» [6, 7]. Это, в свою очередь, приводит к различным формам оппортунистического поведения на всех уровнях внутрипроизводственных отношений (воровство, выполнение «левых» заказов за счет ресурсов предприятия и т. д.), таким образом, наемные работники также обеспечивают присвоение своей части инсайдерской ренты [8].
- Непрозрачная и подвижная структура собственности. Между предприятиями (непосредственными производителями товаров и услуг) и реальными собственниками, как правило, существует «прослойка» юридических лиц, объединенных сложной системой

перекрестных владений пакетами акций этих предприятий и друг друга. Такие структуры позволяют в случае угрозы быстро перегруппировывать активы, не затрагивая положения реального собственника. Таким образом, не реализуется одна из важнейших функций собственности – управление активами.

Тем не менее, необходимо отметить, что в экономике сформировались потенциальные возможности размыwania института квазикорпоративной собственности. В частности, изменения в институциональной среде, в первую очередь, в области формальных норм способствуют развитию национальной корпоративной модели. Внесенные в последние годы изменения в российском законодательстве позволили несколько улучшить ситуацию в случаях защиты прав миноритариев, раскрытия информации и повышения прозрачности компаний. Так, согласно исследованиям Standart&Poor's, уровень прозрачности российских компаний в последние годы повысился. К примеру, введение с 2009 г. нового положения по бухгалтерскому учету, приближенного к международным стандартам, привело к улучшениям в раскрытии информации о сделках со связанными сторонами и т. п. При этом наблюдается прямая связь между капитализацией компании и уровнем прозрачности (наибольший индекс прозрачности – 65 % имели компании с капитализацией более 5 млрд долл.) [9. С. 10–12].

Кроме того, экономическая стабилизация начала нового века привела к изменениям в мотивации участников бизнес-процессов: предприятия стали ориентироваться на рыночные критерии эффективности (извлечение прибыли), расширились горизонты планирования и т. п. Кроме того, усиление взаимодействий с иностранными партнерами, экспансия российского бизнеса за рубежом также способствовали применению современных стандартов организации корпоративных отношений. Однако по данным исследования Национального совета по корпоративному управлению 71 % компаний отмечают, что подобные заимствования носят пока формальный характер [10. С. 5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Estrin S., Prevezer M. The role of informal institutions in corporate governance: Brazil, Russia, India, and China compared // *Asia Pacific Journal of Management*. – 2011. – V. 28. – № 1. – P. 41–67.
2. Нуреев Р., Рунов А. Россия: неизбежна ли деприватизация? (Феномен власти-собственности в исторической перспективе) // *Вопросы экономики*. – 2002. – № 6. – С. 10–32.
3. Плискевич Н.М. Власть-собственность // *Мир России*. – 2006. – Т. 15. – № 3. – С. 62–113.
4. Шкаратан О.И. Становление постсоветского неэтакратизма // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 1. – С. 5–22.
5. Джонс Д., Кауфман Д., Хеллман Д. Что стоит за «загрязняющей рукой» правительства в переходном периоде // *Трансформация*. 2000. URL http://siteresources.worldbank.org/INTWBIGOVANTCOR/Resources/transition-r_marchapril2000.pdf (дата обращения: 22.06.2010).
6. Lazareva O., Rachinsky A., Stepanov S. A Survey of Corporate Governance in Russia // *Center for economic and financial research at new economic school*. 2007. URL: <http://papers.ssrn.com/sol3/display/SSRN-id997965.pdf> (дата обращения: 17.05.2010).
7. Долгопятова Т. Г. Развитие российской модели корпоративного управления в 2000-е годы: эмпирический анализ изменений на микроуровне. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – 48 с.
8. Дзарасов Р. Российский капитализм в свете научной методологии // *Экономист*. – 2009. – № 12. – С. 54–59.
9. Исследование информационной прозрачности российских компаний в 2009 г.: разрыв между лидерами и аутсайдерами увеличился. 2009. URL: <http://standartandpoors.ru> (дата обращения: 15.08.2010).
10. Корпоративное управление в условиях финансово-экономического кризиса. 2009. URL: <http://nccg.ru> (дата обращения: 13.01.2010).

Поступила 01.11.2011 г.